

Игорь ИЛЬИН

Игорь Ильин родился в 1970 году в Омске. Окончил ОмГПУ. Живет в Москве. Участник поэтического семинара Дмитрия Воденникова в школе писательского мастерства «Пишем на крыше». Публиковался в журналах «Зеркало», TextOnly, «Новая Юность», «Юность». Автор книги стихов «Из дыма, солнца, водки и конфет».

СЛЕПЫЕ ПОДРАМНИКИ

Когда-то бабочки были дельфинами...
Не волнуйтесь, я не сошёл с ума –
профессор задумался на секунду и сказал:
бабочки доживали до восьмидесяти лет
и смотрели на мир иначе.

Грациозные, смелые, независимые –
они бороздили морские глубины и крутили божественные фуэте,
взмывая над гладкой поверхностью.
Они вместе охотились,
резвились порознь,
отчаянно, до беспамятства,
праздновали и заботились друг о друге.

Да, иногда случались острозубые акулы с субмарину размером
и изжога от слишком соленой воды,
но это не мешало бабочкам
видеть безумные синие сны,
не мешало дружить, строить планы,
влюбляться и умирать.

А потом случилось то, что случилось.
И мы изменились.
Мы стали носить панцирь.
Мы стали безропотными и невесомыми...

Он говорил, говорил, а затем неожиданно замолчал.
Вздыхнул глубоко и грустно,
подпрыгнул и, сквозь незапертое окно, выпорхнул в мир –
туда, где кружили голодные кровожадные
говорящие головы.

Я понял, что такое сознание.

Я его разглядел.
Свободное, выпуклое, неукротимое.
Очевидно необъяснимое
зазеркалье.

Художник выдохнет (один раз), а дальше – тишина.
Они предлагают мыслить всегда, непрерывно.
Техники творчества. Нет, спасибо.
Быть в аду непрерывно – ад. В квадрате.

Мы с осознанием делимы. И оно это осознаёт.
Я слаб, я немощен, я старюсь.
Я, я, я, я...
Оно предаст, отлетит, выживет.

Время. Для меня это роскошь.
Для сознания – рутинная вещь.
Сознание бесконечно во времени и пространстве.
В отличие от меня.
Иногда мы пересекаемся. Перекрикиваемся.
Перекидываемся словечком.
Сон – полусон – полуявь – полёт над гнездом.
Кукушонок в конце концов упорхнёт, а я, папа, останусь.

Что я чувствую к тебе?
(Я не знаю).
Я переполняюсь, перевоплощаюсь, ускользаю сам от себя,
кричу, плачу, впадаю в панику.
Это не мо...
.....
и жалею лишь об одном, что мы не можем быть вместе.

*...Когда несешь большую страсть
В самом себе, как уголь в ладонях,
Тогда не страшно умирать,
Но страшно жить необожженным...*
Елена Шварц

...они приходят, они возвращаются, восстают, оживают.

Он несется по комнате озером, облачком, светом,
устремляясь в растопыренные объятия
своим соблазнительным телом,
не зная стыда и подвоха, – брызги смеха и радости.

И назад.
И по новой обратно.
Словно видит в своем закольцованном действии
не расчёт, не корысть или принцип (как взрослые),
а природную необходимость – непререкаемость жизни.

Дети не выбирают родителей,
они их в какой-то незаменимый момент назначают,
повинуясь неясному звериному инстинкту,
и дальше уже живут с этим назначением всю жизнь,
как с первой раскраской, первым шажком
или неповторимыми невыбранными глазами.

Если бы кто-нибудь мог выбирать.

Однажды, я помню, ты сказал на прощанье, как в сказке: вот и сказке конец.
Я запомнил, потому что глаза – никогда не врут.

Когда-нибудь (если будет мне суждено)
я снова увижу твои родные, звериные глаза, папа.
И Фрида заснет.

Кого бы я выбрал в проводники?
Того, с кем наивысшая разность потенциалов.
Нам будет о чем поговорить, о чем помириться.

Последний ужин не такой калорийный, как кажется:
мало сахара, много мыла, много свинца.
Насытиться не получится.

Мы перестали понимать друг друга, когда ты сказал, во что веришь.
Вера была слишком живой, трепетной и немой.
В тот момент.

Такие разные. Такие родные. Такие непримиримые.
Кто-то не понял, кто-то не простил.
Кто-то один не поверил, что может убить.
Свет.

Блестит чернотой рукотворное море.
Берег последний словно пасть – зевающий монстр.

Одна река. Одна вода. Для двоих.
Слишком много и слишком чудовищно недостаточно.

Эта жидкость словно желе:

грузная, надменная, чужая:
тела, грехи, надежды, отчаяние,
неутолимая тяжесть тоски.

Прости меня. Прости. Оставь.
Оставь себе все на свете монеты.
Только, пожалуйста, не молчи.

Мы плывем уже тысячу лет.
Вокруг не осталось даже тех, кто нас никогда не знал.
Почему ты молчишь?
Ухмыляешься, и молчишь.
Это тебе (между нами) следовало бы каяться.
Следовало бы извиняться.
Я ведь тебя так...
Почему же я не слышу ничего, кроме этих жутких капель?

Да, обо мне знали больше, чем я заслужил.
Да, я сделал то, что сделал.
Но я жил. Я был жив. Жив!
А ты?
Что ты делаешь в этой единой синтетической антиреальности?
Это и есть твоя пресловутая жизнь вечная?

Оставь меня, умоляю тебя.
Пристань, высади меня уже где-нибудь.
Я тебя прощаю.
Прощаю, слышишь?
Ты мне больше ничего не должен.
Ты свободен.
Дай мне, наконец, жить.

Только верни мне мои монеты.

Слепые подрамники

Он просто ушел.
Даже не хлопнул дверью.
Улетел. Уехал. По-моему, в командировку.
На собрание, встречу, корпоратив –
откуда не возвращаются.

Книжный шкаф, тумбочка, письменный стол,
антресоль – они никогда не лгут.
Открытки, письма, записки, тетради, черновики.
Обрывки жизни, редкие изделия ручного труда,
обмылки существования.
Ничего. Пусто.

Одни слепые подрамники.

В детстве, возвращаясь домой после длинного пионерского лета,
я всегда замечал, что дом изменился.

Стены, шкафы, потолки и окна будто набухли и сузились.

Пространство казалось выпуклым, натянутым и выразительным.

Дом проникал в меня своим пронизательным взглядом,
и я неминуемо вырастал.

Тридцать лет – долгий срок. Даже для черновика.

Я хочу спросить об одном: почему?

Ты же кормил меня с рук.

Ты же смаковал мои мысли, эксплуатировал мое мироощущение,
насиловал мою искренность.

Я тебе ничего не должен.

А как же Сент-Экзюпери? Он тоже всех обманул?

Дорога у всех одна – пути разные.

–Я ненавижу тебя.

–И любишь.

–Нет.

–Да.

–Да. Да. И ненавижу.

Вот это и называется свет.

Я хочу оказаться снова молодым.

Светиться будущим, отливать отцовством.

Энергично решать сложнейшие ребусы сущего.

И прожить ещё две (или три)

смелые жизни.

Дело не в том, что уходит,

а в том, что останется (не всё).

Не всё исчезнет.

Не всё отомрет.

Будет лето и осень,

зима и весенняя лодка с каплями снега с бортов.

Будет мирное солнце и яркое небо от звёзд.

Снова будет мороженым небо сводить.

Будет больше детей.

Будет больше игрушек.

Будет больше всего.

И мой дедушка вернется домой.

Дорожки посыпаны гравием.
А звёзды переглядываются, как будто перемигиваются.

Когда-нибудь я наконец-то найду себя.

Когда-нибудь, пьяный, налью себе полный стакан.

И по-свойски усядусь рядом на скошенную траву.

Здесь, среди этих чужих, одиноких, обшарпанных звёзд.

Чтобы услышать родной, незнакомый голос.

И понять, что ещё живой.

Обувь заговорила.
Стены, шкафы.
Утварь.
Стаканы, чашки.
Заголосили кастрюли.
Загалдели блюда и ложки.
Где-то такое уже происходило.
Возможно, еще происходит.
С переменным успехом.

Невыносимо.

Однажды мой дедушка решил продемонстрировать,
как пользоваться новой точилкой для ножей.
Шикс, и кровь залила безымянный палец.
Смотри, смотри, закричал мой брат,
какой невероятный, темный и густой цвет.
Это от неожиданности.

...жестяные кружки, стальные кофейники...

Сжечь, переплавить, перековать.
Сделать что-то другое:
саблю, шашку, самурайский меч.

И
готово.

Какой чистый, яростный, ясный звук.
Слышишь?
А я не слышу.

Одно слово

Хотел чего-то светлого.
Не получается.
Темные времена. Дикие. Перевернутые.
Слова перестали спасать, утолять, созидать, воскрешать.
Тесное выжженное пространство.

Мальчишки с отнятыми конечностями, подсвеченные софитами.

Страшно, противоестественно, отвратительно, больно.
Впервые пожелал смерти
не себе.
Чужеродное, безумное, инородное состояние.

Слова перестали жить.
Слова перестали искать.

И все же.

Умоляю тебя – всего лишь одно слово.
Самое простое.
Самое волшебное, самое настоящее.
Самое живое и самое важное:
Мир.

Девять жизней

Я хотел бы прожить восемь жизней.
И каждую из них – помнить.

Первая – была змея.
Второй – вода.
В третьей и четвертой мои дети покинули мой город один за другим.
Пятая была вазой. Огромной греческой вазой, с позолоченными лепестками
возле самого горла.
Шестая прошла в битве.
Седьмая – в тайных, непроворотливых встречах. Мимо любви, мимо смерти.
Мимо тебя.

Восьмая пела. Весело. Шумно. Нахально. Негармонично:
мурно, искусственно, раздражающе.

И лишь в девятой – ясный, воздушный, ледящий, смоляной,
уничтожающий звук. Лишь только в девятой.

Девятую – позабыть.

Осознанную, как снегопад – бескомпромиссную, солнечную, необходимую.
Резонирующую как страдивари.

Там, в девятой, в тридевятой, сверхновой, треклятой, ты была не одна.

Там, в девятой.

Где мой ангел-хранитель наконец-то меня потерял.

– Ну почему, почему же они не могут жить в мире?

– Почему не могут? Могут.

Вот, например, в системе Кин-дза-дза:

«А за что вы их транклюкировали?

За то, что они не успели».

Всеобщая гармония, всеобщее счастье, мир и покой.

И красные штаны в придачу.

Но в этот момент почему-то всегда появляется тётя Бэси.

Или дядя Пришвин (тот ещё персонаж).

Им всё претит. Они всем недовольны.

И тогда всё приходится нам начинать сначала.

Эники Беники ели вареники

Эники Беники рак...

Кто не спрятался, тот проиграл.

И ты проиграл. И ты.

Мы все проиграли.

Стоять. Руки к стенке.

Эники Беники, Эники Беники

ели, ели, доесть не успели.

Вареники:

сочные, сладкие, с солями из выпаренной речной воды,
едкого дыма и слез.

Вареники:
гоголевские, шолоховские, чеховские,
интернациональные, родненькие.

Вареники:
сытные, говорящие, не отнимающие жизнь.

Эне бене раба квинтер финтер жаба...

– Принципами не пообедаешь, не поправишь здоровье, не согрешься.
– А принципы не шашлык, не витамин В12, не грелка.
Некоторые чудаки ради них жертвуют обедом.
Бывает плата и подороже.
– А скрипач не нужен, родной. Он только топливо лишнее жрет.

А он все твердил: присяга, присяга.
Немым, исковерканным ртом, невысказанными глазами.

Тебе водить.

Очевидно, что мы живем в разных местах: в самый разгар нашей жизни,
между нами десятки, а может быть сотни навязанных лет.
Ни стереть, ни пересмотреть.
Одно цепляется за другое.
Звук переходит в цвет.
Но ничего не видно.
Вокруг мертвый путь из прилипших к обочинам автомобилей.
Мы слышим и видим разное, но не разницу – и смысл ускользает
в саднящую рану следующего поколения.
Нам не выжить. Не пережить.

*я стою в супермаркете голый.
в одной нелепой серой (почему-то) майке.
и в ней же иду по офису, чувствуя, как обжигает
грубый, несвойственный, детсадовский стыд.
хочется провалиться в младенца – бесстрашного, любопытного, глупого.
хочется вернуться обратно – в маму.*

Ты выглядишь логично и обезоруживающе. Твои слова – лазерная указка.
Но твое лихое тело не врет. Не спит. И никого не спасет.
Звать бесполезно (никто не откроет), поздно и, наверно, бессмысленно.

*на всех остановках миллионы проклятых любопытствующих глаз.
нам не спрятаться и не укрыться.
я беру твои руки в свои и кричу. и рушится стыд, и сад, и дома. и природа становится
не своя. лишь растет и ширится стая.*

Кого надо, уже позвали. Кто надо, уже откликнулся.
Несбыточное так и не сбудется.
Надежда превратится в пыльную нескончаемую дорогу
с односторонним движением.
Нас не станет и не будет.
Лишь они будут длиться и длиться. В безразличном душном пространстве –
безоружные, лисьи, трекозьи,
так никого и не воскресившие.

01–09.2022